

— И это ты называешь «скромным подарком»? Навез-то сколько! — так и ахнули дядя.

— Они ведь господа искушённые: один — личный советник, другой — и вовсе уездный судья. Ещё не факт, что посмотрят на наше подношение, — ответил Дин Тянь.

На самом деле он подумывал преподнести супруге судьи что-нибудь более изящное, вроде искусно сработанной шпильки для волос. Вот только Город Ньюцзяо едва-едва отстроили после набега — ни тебе ювелирной лавки, ни захудалой мастерской, где ковали бы украшения. Те две золотые шпильки, что вернулись к нему после расторгнутой помолвки, мало того что несли на себе клеймо неудачного сватовства, так ещё и узором своим никак не подходили благородной даме. Подари он их — только бы осрамился да нанёс оскорбление. Так что те шпильки давно уже... Впрочем, пустое. К чему забивать голову несбыточным? Простые крестьянские гостинцы — самый надёжный выбор.

Очутившись в Городе Ньюцзяо, Дин Тянь первым делом увлёк второго и третьего дядей в текстильную лавку. Там он придирчиво выбрал и купил два отреза тонкого хлопкового полотна и два — яркой узорчатой ткани, чтобы передать тётушкам в деревню.

— Ну и зачем тратиться, Тянь-эр? Свои же люди, к чему эти церемонии? — заворчали они.

— Как раз потому, что свои! — расплылся в лукавой улыбке Дин Тянь. — Тётушки мне столько одёжки справили, обуви нашили — пальцы, поди, иглами искололи. Должен же я хоть как-то отблагодарить их за заботу и труды? А эти шёлковые цветы — моим кузинам. Девчонки ведь уже на выданье, самое время наряжаться, негоже им круглый год ходить серыми мышками.

Ткань он приметил знатную — плотный узорчатый батик огненно-красного цвета, усыпанный нежно-розовыми лепестками цветущей сливы. Мягкая, добротная, снесу ей не будет, а уж расцветка — загляденье! О такой обновке мечтает любая деревенская девица. За сочные, чистые цвета красильщики заламывали немалую цену. Дешёвым бывал разве что суровый, невыбеленный холст, но выглядел он тускло и уныло.

— Ладно тебе, говорун, не переспоришь, — сдались дядя.

Подарки они приняли с явным удовольствием, хоть и для виду поворчали. Но каждый про себя уже прикидывал: что бы такого привезти любимому племяннику в следующий приезд? В Городе Ньюцзяо-то ведь за каждую травинку да кочан капусты приходится монетой звенеть...

Дорога привела их к уездной управе. Стражники у ворот Дин Тяня знали в лицо, поэтому без лишних расспросов разрешили причалить к боковым воротам, через которые обычно сновали писари и прочий служивый люд.

У крыльца как раз отирались Чэн Да и Линь Ци. Дин Тянь, недолго думая, тут же припахал приятелей к делу в качестве бесплатной рабочей силы. Общими усилиями мешки и корзины перетащили под навес, после чего Дин Тянь попросил дежурного слугу доложить супруге

уездного судьи о подношении.

Вскоре из жилых покоев степенно выплыла старая няня. Шептались, что она выкормила саму госпожу и приехала вместе с ней в эти суровые края как почётное приданое. С такими умудрёнными годами матушками в барских домах спорить не решался никто — себе дороже.

Дин Тянь тоже лезть на рожон не собирался. Он смиренно склонил голову и замер, выслушивая тихую, певучую речь лаомомо:

— Хозяйка велит передать, что рада твоему возвращению на службу. Мал ты ещё, всего пятнадцать весен минуло, почитай, подросток совсем. Зачем же тратился на подарки? Ни к чему это.

— Что вы, нятушка! Это лишь скромные гостинцы из родной деревни — пусть господин судья и его почтенная супруга отведают свежего, — вежливо отозвался Дин Тянь, чуть приподняв голову. — В крестьянском доме разносолов не водится, только этим и могу выразить почтение. Надеюсь, госпожа не побрезгует.

По правде говоря, из всей горы привезённого добра госпожу по-настоящему могли порадовать разве что два отреза шёлка, которые Дин Тянь прихватил до кучи. Всё остальное для барского глаза выглядело чересчур буднично. Однако лаомомо, тронутая столь искренней и вежливой речью юноши, благосклонно улыбнулась:

— Что ж, постой здесь, милый. Пойду доложу хозяйке.

Дин Тянь остался послушно ждать у входа во внутренний двор. Рядом, подбоченясь, высилась дородная, крепкая служанка, стерёгшая покой господских покоев.

«Интересно, и сколько же ртов в судейском семействе? — размышлял он. — Судя по убранству да вышколенным слугам, мощну они набили исправно».

Как хорошо, что у него хватило ума не соваться со звонкой монетой. Сколько ни поднеси таким господам — всё покажется жалкой подачкой, только бы опозорился.

Вскоре лаомомо вернулась, держа в руках изящный лакированный короб для яств.

— Господин судья сейчас на выезде, так что принять тебя не досуг, — приветливо проговорила она. — Но госпожа подарки приняла и осталась весьма довольна. Как раз сокрушалась, что весной погреба пустеют и к столу подать толком нечего, а тут твоя сушёная зелень к месту пришлась. Разумно с твоей стороны, заботливо. Хозяйка велела жаловать тебе этот короб со сладостями. Их приготовила стряпуха, выписанная прямиком из города Управы — в Городе Нюцзяо таких диковинок больше нигде не сыщешь. Ступай с миром, делом занимайся. Знаем, что забот у тебя сейчас невпроворот, задерживать не станем.

Сказано было ладно, с мягкой снисходительностью, да ещё и угощением одарили — уважили молодого тюремщика по первому разряду.

— Благодарствую премного! Передайте матушке-госпоже мой низжайший поклон, — обрадовался Дин Тянь.

Приняв короб, он незаметно сунул лаомомо в руку парчовый кисет, купленный давеча в лавке. Внутри потихоньку звякнули десять новеньких медных монет. Сумма пустяковая, но приличия требовали проявить почтение. Будь там серебро — нянька бы наотрез отказалась, а сунешь меньше — прослывёшь скрягой. Десять медных — в самый раз, на добрую чарку рисового вина хватит с лихвой.

— Возьмите, бабушка, на добрую чарку вина для согрева костей.

— Ну, спасибо за заботу, — благодушно кивнула старуха.

Ей подобные подношения были не в диковинку. Кисет мгновенно и ловко исчез в широком рукаве её халата, а сама она с тёплой улыбкой проводила юношу взглядом.

<http://bllate.org/book/19387/1983714>